

Секция «Круглый стол «Вызовы “Исламского государства”: стратегии исследования и противостояния»»

Исламский радикализм в Китае: генезис, эволюция и практика

Научный руководитель – Навасардян Арман Гарникович

Оганисян Андраник Юрикович

Студент (магистр)

Российско-Армянский (Славянский) университет, Институт права и политики, Кафедра мировой политики и международных отношений, Ереван, Армения

E-mail: undermazd@mail.ru

Ислам является второй по величине и самой быстрорастущей религией в мире, а число мусульман во всём мире оценивается примерно в 1,7 млрд. человек [4, 14]. Мусульманские общины зарегистрированы в более чем 120 странах, в 25 [4, 17] из которых ислам признан государственной религией.

Мусульманская умма динамична, ее численность и роль в мировой экономике, политике, культуре постоянно растут, в том числе в регионах, еще недавно не затронутых сколько-нибудь значительно влиянием ислама. Ислам - не только вера, но и образ жизни, бытовые правила и обычаи, менталитет. Ислам в большей степени, чем другие мировые религии, включен в систему социального регулирования. Практически все стороны жизни мусульманина объявляются религиозно значимыми. Таким образом, создаются предпосылки для всесторонней политизации ислама, в результате чего фиксируются призывы к политической консолидации мусульман, к превращению религиозной общности всех мусульман в политическое единство того или иного уровня институционализации.

Современный социально-политический процесс во многом определяется глобализацией. Глобализация как универсализация основных достижений культуры представляет собой естественный процесс, который сопровождает человечество на протяжении всей его истории. Значительная роль в этом процессе принадлежала исламу с момента его возникновения в начале VII века, в частности роль медиатора в эстафетной передаче исторических достижений китайской и индийской цивилизаций королевствам западной Европы [7, 56]. Новейший этап глобализации обладает новыми качественными характеристиками. Глобализация охватила все важнейшие сферы бытия человечества, ее доминирующей формой стали не стихийные процессы, а сознательное использование международных институтов, транснациональных компаний, а также синергетических концепций для разрешения проблем западной цивилизации через вестернизацию (американизацию) всего мира [3, 82].

Согласно докладу госдепартамента США о свободе вероисповедания в Китае, количество мусульман в данной стране оценивается от 20 до 30 миллионов человек [10], что составляет около 2,5% граждан КНР. С этнической точки зрения ислам в Китае представлен сегодня десятью национальностями, численность которых составляет около 18 млн человек. К ним относятся тюрко-монгольские общины и таджики в Синьцзяне (СУАР), а также мусульмане «хуэй» (9 млн человек). Китайские мусульмане в основном сунниты ханафитского толка (таджики являются шиитами-исмаилитами). Большую часть мусульман КНР составляют уйгуры, которые проживают в СУАР. Данный район является острой проблемой национальной безопасности КНР, так как СУАР окружен государствами Центральной Азии и Среднего Востока с преобладающим мусульманским населением [5, 13]. Ситуация осложняется стремлением определенных кругов США и их партнеров по НАТО, в частности Турецкой Республики, трансформировать экспансию исламского

радикализма в КНР с таким расчетом, чтобы представить Китай в роли «агрессора», который жестко и жестоко подавляет стремление национальных меньшинств, в частности уйгур-мусульман, к самоопределению.

Согласно проведенному в 2015 году социологическому исследованию, ислам является самой распространенной религией среди китайской молодежи. По данным исследования, 22,4 % китайцев в возрасте до 30 лет исповедует ислам. По мнению профессора университета Реньминь Вея Дедонга причина, по которой число мусульманской молодежи среди китайцев выше, чем число буддистов, даосистов и католиков заключается в том, что «многие последователи ислама относятся к этническим меньшинствам, а у них женщины часто имеют по несколько детей» [9].

Вместе с тем, культивируемая концепция «исламского радикализма» является удобной ширмой для реализации Западом своих глобальных целей, направленных на сталкивание между собой своих геополитических конкурентов. Однако для Китая в силу целого ряда причин противопоставлено противостояние исламскому миру, так как последние являются основными источниками энергического сырья для быстрорастущей экономики КНР.

Разумеется, дружественные контакты и культурное взаимопроникновение возможны лишь со здоровыми силами исламского сообщества, которые, прежде всего, представлены традиционным и модернизирующимся исламом. И ничего не может быть общего с радикальными исламистами, делающими ставку на силу, пренебрегающими нормами международного права при достижении своих далеко идущих политических целей. Государство, его институты, несомненно, должны противодействовать экстремизму на религиозной основе, но это противодействие в рамках действующего законодательства должно быть направлено против ультра-радикалов, тех, кто организует террористические акты, провоцирует вооруженные столкновения, но не против ислама как такового.

Безусловно, понимание сущности радикализма, его эндогенных и экзогенных оснований, позволит эффективно противодействовать этому явлению и обеспечить национальные интересы КНР, а также его партнеров по ШОС. Преодоление религиозного экстремизма возможно на путях устранения причин, порождающих конфликты, изменения способов разрешения возникающих разногласий и, прежде всего, отказа от применения в этих целях безадресного и неадекватного насилия и принуждения. Борьба с терроризмом на религиозной почве - сложнейшая социально-философская и политико-правовая задача [8, 67]. Силовой вариант ее решения способен дать позитивные результаты лишь на кратковременный период. Силой религиозные взгляды изменить невозможно, насилие лишь укрепляет их, обостряя присущую им политическую устремленность. Для кардинального оздоровления ситуации нужна кропотливая и прицельная работа по выявлению и ликвидации факторов, детерминирующих религиозно-политический экстремизм и терроризм, а также той питательной среды, на которой они произрастают.

Источники и литература

- 1) Жданов Н.В., Игнатенко А.А. Ислам на пороге XXI века, Москва: Проспект, 1989
- 2) Зареванд. Турция и пантуранизм, Париж: Галлимар, 1930
- 3) Левин З.И. Ислам и национализм в странах зарубежного Востока, Москва: РАН, 1988

- 4) Тощенко Ж.Т. Государство как субъект теократии // «Социологические исследования», Москва: Литкон, № 2, 2007
- 5) Bashir Shaykh. Why Are We Fighting China? Washington D.C.: Elsevier, 2008
- 6) Fuller G., Lipman J. Islam in Xinjiang // Xinjiang: China's Muslim borderland / New York: S.F. Starr, 2004
- 7) Jansen J.J.G. The dual nature of Islamic fundamentalism. London, Vol. XVII, 1997
- 8) Maududi A., Jihad in Islam. Lahore: Jahin Press, 1980
- 9) <http://www.islamnews.ru/news-467435.html> (дата обращения: 19.02.2017)
- 10) <https://www.state.gov/j/drl/rls/irf/2006/71338.htm> (дата обращения: 17.02.2017)